

THE NATIONS OF THE CAUCASUS.
TRADITIONS AND MODERNITY

Научная статья

УДК: 39(470.6)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-71-79

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КОНЦЕПТОВ «СТЫД»
И «ЧЕСТЬ» В КАРТИНЕ МИРА ЧЕРКЕШЕНКИ XIX ВЕКАКумахова Заират Хасанбиевна¹, Коновалов Андрей Анатольевич², Журтова Анжела Ариковна^{3,4}^{1,2,3}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия;⁴Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия,¹kzaira@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4386-9350>²homunculus2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7501-9529>^{3,4}anzhelka28@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-0928-2393>

Аннотация. Исследованы внутренний и внешний аспекты категорий «стыд» и «честь» в истории этической мысли и их проявления в фольклорной картине мира черкесской женщины XIX в. В работе анализируется, как общественное мнение и система социальных ожиданий регулируют поведение черкесской девушки и женщины, формируя требования к ее репутации, целомудрию, семейной и социальной роли. Особое внимание уделено фольклорным сюжетам, связанным с утратой и сохранением женской чести, переживанием стыда, мотивами самоубийства и мести, а также проявлением чувства вины и нравственного выбора героинь. Показано, что черкесская женщина традиционной эпохи предстает не только объектом социального контроля, но и самостоятельным этическим субъектом, внутренний мир которого включает сложные моральные переживания, выходящие за рамки одного лишь страха осуждения.

Ключевые слова: стыд, честь, черкесская женщина, фольклор, этическая мысль, фольклорные архетипы

Для цитирования: Кумахова З.Х., Коновалов А.А., Журтова А.А. Реконструкция традиционных концептов «стыд» и «честь» в картине мира черкешенки XIX века // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 71–79.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-71-79

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

RECONSTRUCTION OF TRADITIONAL CONCEPTS OF «SHAME»
AND «HONOR» IN THE CIRCASSIAN WOMAN'S WORLDVIEW
OF THE 19TH CENTURYZairat Kh. Kumakova¹, Andrey A. Konovalov², Angela A. Zhurtova³^{1,2,3}Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia;³Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,¹kzaira@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4386-9350>

© Кумахова З.Х., Коновалов А.А., Журтова А.А., 2026

Abstract. The internal and external aspects of the categories «shame» and «honor» in the history of ethical thought, as well as their manifestations in the folkloric worldview of the Circassian woman of the 19th century, are explored. The study analyzes how public opinion and the system of social expectations regulate the behavior of Circassian girls and women, shaping requirements for their reputation, chastity, family, and social roles. Special attention is given to folkloric plots related to the loss and preservation of female honor, experiences of shame, motifs of suicide and revenge, as well as manifestations of guilt and moral choices by the heroines. It is shown that the Circassian woman of the traditional era appears not only as an object of social control but also as an independent ethical subject, whose inner world includes complex moral experiences that go beyond mere fear of condemnation.

Keywords: shame, honor, Circassian woman, folklore, ethical thought, folkloric archetypes

For citation: Kumakova Z.Kh., Kononov A.A., Zhurtova A.A. Reconstruction of Traditional Concepts of «Shame» and «Honor» in the Circassian Woman's Worldview of the 19th Century. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2026. № 1. P. 71–79. (In Russ.)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-71-79

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Original article

К анализу категории «стыд» в истории этической мысли обращались относительно нечасто. Но в последние годы она вызывает всенарастающий интерес исследователей. Стыд большинство исследователей понимает как «болезненное переживание по поводу несоответствия личности идеалу», вызывающее «ощущение собственной приниженности... в силу того, что твои поступки или свойства оказались достойными осуждения» [1, с. 106]. Наиболее популярным является мнение, согласно которому стыд обусловлен внешними факторами. В этой связи получило распространение противопоставление стыда и вины. Р. Бенедикт на основании исследований японской культуры предложила цивилизационную типологию, согласно которой разделяются культуры стыда и культуры вины. По мнению исследовательницы, категория «стыд» имеет экстернализованный характер и представляет собой страх «потери лица» перед отдельными людьми или группой лиц, являющимися авторитетными для субъекта, т.е. обусловлена внешними факторами. Человек не испытывает стыда, когда порочащая его информация не становится достоянием «значимых других». Концепт «вина», напротив, подразумевает наличие внутренних этических регуляторов. Субъект испытывает неприятные ощущения независимо от осведомленности о них окружающих [2, с. 158].

Для Ч. Кули стыд – это результат негативного мнения о нашем «зеркальном Я» – пред-

ставлении о том, как мы выглядим в глазах других [3]. Разделяет эту позицию и Т. Шеф, для которого стыд – это переживание, которое возникает, когда «Я смотрит на себя глазами другого человека в негативном... свете или только предвосхищает такую реакцию» [4, с. 254].

Другие исследователи предложили отойти от одномерного понимания стыда как эмоции, обусловленной исключительно внешними факторами. Так, П. Гилберт, соглашаясь с тем, что часто стыд является экстернализованной категорией, считает, что для полного понимания описываемого концепта этого недостаточно. По мнению исследователя, существует и «внутренний стыд», возникающий с негативным отношением к собственным поступкам или свойствам личности [5, с. 175]. Здесь подразумевается наличие идеального образа себя и акт сравнения с ним своего реального поведения или характерных особенностей личности.

Сходную трактовку понятия стыда находим у Б. Уильямса. Подобно И. Канту, исследователь говорит о соотношении качеств и поведения субъекта не только со значимым внешним наблюдателем, но и с этическими категориями, значимыми как для нас, так и для другого, который «уважал бы те же самые реакции, если бы они на достаточном основании были бы обращены на него самого» [6]. В обоих случаях речь идет о существовании нравственного закона, значимого как для меня, так и для оценивающего меня другого. О приоритете ценностей над

нормами в контексте концепта стыда, побуждающих нас к совершению или воздержанию от того или иного социального действия, писал и Р.Г. Апресян [7, с. 45]. Утверждала необходимость для социальной практики общей цели, значимой для участников коммуникации, и Ч. Кэлхун [8, с. 127]. По мнению А.В. Прокофьева, стыд – это не только результат соотнесения поступка и социальных норм, но и следствие «соотнесения личности и идеала», сопровождающееся угрызениями совести [1, с. 107].

С категорией «стыд» тесно связан концепт «честь». Традиционно он рассматривался во внешнем аспекте как взгляд общества на личность и деяния индивида. А.Я. Гуревич отмечает связь чести с пониманием необходимости схождения индивида с другими членами общества, его соответствие принятым в обществе ценностям и идеалам [9, с. 165]. В Средневековье человек видел себя «глазами других» [10, с. 28] прежде всего в связи с внешним поведением [11].

Однако соответствие социальным ожиданиям – это лишь один из аспектов чести – внешний. Ф. Маурер выделяет и внутренний аспект чести: соотнесение своих поступков имманентным установкам и принципам [12, с. 245].

Между внутренним и внешним аспектами чести отсутствует непроходимая грань. Они выступают в единстве, «включая самооценку личностью своего достоинства (сознание собственного достоинства) и оценку ее достоинства со стороны общества» [13, с. 25]. Честь, полагает А.К. Сафаров, «понимается как определенная социальная оценка гражданина» [14, с. 100]. Об этом единстве говорит и Л.М. Архангельский, определяя честь как оценку «личностью своего собственного достоинства и признание ее заслуг общественным мнением» [13, с. 84].

Исследованию категорий внутреннего мира черкесской женщины на сегодняшний день посвящено относительно мало работ. Одной из фундаментальных работ, в которой анализируется женское пространство Кавказа, является монография Ю.Ю. Карпова [15]. Анализу ментальных представлений черкесов, исследованию их внутренних установок посвящены труды М.А. Текуевой [16]. Отдельные феномены сознания черкешенки раскрываются в трудах Е.А. Нальчиковой [17]. Понятия «честь» и «стыд» в адыгском обществе анализировались в работах по адыгской этике и этикету таких исследователей, как Б.Х. Бгажноков [18], Р. Мамхегова [19]. Исследованию положения женщины в традиционном адыгском обществе, ее статусу

и правам в семье посвящены работы таких авторов, как С.Х. Мафедзев [20], М.А. Меретуков [21], М.Х. Гугова [22].

Женские фольклорные образы, включая героинь нартского эпоса и гораздо более поздних народных произведений, раскрываются в работах Е.А. Ахоховой, З.М. Катанчиева, Л.А. Нагоевой [23], К.Б. Бекуловой [24], М.Ф. Бухурова [25].

В настоящей работе разделяется позиция исследователей (П. Гилберт, Б. Уильямс, А.В. Прокофьев, Ф. Маурер и др.), подчеркивающих диалектическое единство внешнего и внутреннего аспектов стыда и чести как соотнесения личности с идеалом и социальными ожиданиями. Это позволяет применить данные концепции к анализу внутреннего мира черкесской женщины в традиционной культуре.

Цель данной статьи – выделить внутренние и внешние аспекты категорий «стыд» и «честь» в фольклорной картине мира черкешенки в XIX в., как присущие ей имманентно, так и навязываемые ей социумом, и проанализировать их влияние на поведение адыгской женщины в обществе.

Источниковой базой для работы служат фольклорные материалы в виде народных песен разных жанров [26; 27], пословицы и поговорки [28], а также труды адыгских просветителей [29].

Один из мощных регуляторов поведения черкесской женщины было мнение окружающих. Устойчивое выражение **Сыт цыхухэм жабынур?** (кабардинский язык) – 'Что скажут люди?' определяло все существование адыга, в том числе черкесской девушки и женщины. Ее репутация определялась не только собственным поведением, но и комплексом поступков членов ее семьи. Таким образом, с самого рождения женщина получала символический потенциал, основанный на мнении односельчан о ее семье. Этот потенциал можно было сохранить или утратить собственными поступками или поведением членов рода. Широко известна пословица **«И анэ еплъи ипхъу къашэ»** (кабардинский язык) [28, с. 178] – 'Посмотри на мать и женись на дочери'. Черкешенка была обременена ответственностью за репутацию своих близких людей. Потеря собственной чести ложилась пятном на всех родственников. Согласно кабардинской пословице **«Бынымрэ фызымрэ ягъэпуда лыр зыми къыдыхыжыфынкъым, ныбжьэгъум игъэпуда лыр фызым къыдыхыжынщ»** (кабардинский язык) [28, с. 171] – 'Честь мужчины,

которого опорочили жена и дети, ничто не вернет; честь же мужчины, опороченного другом, может спасти жена».

Представление о черкешенке находим в древнем пласте адыгского фольклора, сохранившегося в виде нартского эпоса [30]. Черкешенка была постоянным объектом внимания окружающих. Это приводило к тому, что она смотрела на себя глазами значимых других. Они, как и сама женщина, постоянно сопоставляли себя с архетипами идеальной женщины: незамужней девушки (например, Адиюх), матери (Сатаней) и жены (Малечипх).

Другим источником, позволяющим реконструировать образец долженствования черкешенки, являются «Песни величания девушек» [31]. В них повествуется о якобы реально существовавших девушках, чьи достоинства были так велики, что стали предметом восхищения. Весь этот материал обладал мощной регулятивной функцией, до мелочей определяющей жизненный цикл черкешенки. Социальные ожидания регулировали все основные аспекты жизни женщины, почти не оставляя места для ее личных потребностей. Более того, они чаще всего заключались в следовании нравственно-поведенческого императива.

Молодая черкешенка готовилась обществом к социальной роли жены и матери. Свадебные песни, восхвалявшие невесту, прямо указывали новобрачной и окружающим какими качествами она должна обладать, и какого поведения от нее будут требовать:

Шелк нежный – ее кожа,

(Ра.) сияют черные ее глаза,

(Ра.) брови ее – ласточки крылья

С взявшим тебя юношей жить тебе до старости

Свекровь-старушку тебе да почитать

Золвку тебе да любить! [27, с. 146].

Для усиления общественного давления в песне следует упоминание высоко статуса семьи девушки, который ей следует поддерживать:

Тебя родившую мать бог да наградит!

(Ра.) из могучего дома старинного ты пришла,

...туда где больших быков режут ты пришла [там же].

В этой и подобных песнях оценивались все аспекты поведения девушки. В результате формировалась репутация, которая влияла на мнение окружающих о ее семье. Замужняя женщина должна была следовать ригористичным

моральным нормам и теперь от ее поведения зависела репутация ее новой семьи.

Эта социальная ситуация отражается в пословице «**НысащIэ мышынэ-мыукIытэр мэл щхьэ фIэбзам щошынэ**» (кабардинский язык) [28, с. 188] – «*Невестка, не знающая страха и лишенная стыда, вдруг отрезанной бараньей головы пугается*». Соблюдение большого количества этикетных норм невесткой увеличивает символический капитал семьи, придавая ей более высокий социальный статус: «**Фыз бзаджэм, сабий мыгъасэм я мыхъумыщIагъэм нэхъ напэтех бгъуэтынкым. Унэгущэм акъыл бгъэдэлыным нэхъыфI щыIэкым, жыхуиIэщ. Унагъуэм зэгурылуэ ильмэ, ныбжьэгъур мыпэжми, жылэ псом угурымылуэми, псэхупIэ уиIэнуш**» (кабардинский язык) [28, с. 177] – «*Для мужчины нет ничего унижительнее, чем дурная жена и неотесанные дети. Но нет ничего лучше мудрой хозяйки. Когда в семье понимание и лад, есть спасение и от козней неверного друга, и от общественного суда*». Противоположная ситуация вызывает насмешку: «**Унэгущэ щхьэ-эхынэ напэмытхьэщIу гъунэгъум макIуэ**» (кабардинский язык) [28, с. 197] – «*Ленивая хозяйка не успеет умыться, а уже к соседям бежит*».

С понятием «стыд» тесно связан концепт «честь». Наиболее удобен для изучения внешний аспект чести – то, как человек видит себя глазами других. Как и в европейском Средневековье, семантика этого понятия преимущественно включает в себя такие аспекты, как «слава», «признание в обществе» [32], и подобающее поведение в обществе [11, с. 55].

У черкесов семантический корпус значений, описываемых в русском языке как честь, примерно соответствует понятию *напэ* (в дословном переводе – «лицо»). В этом понятии сливаются такие значения, как «совесть», «стыд», «гордость». Это понятие входит в более широкий контекст, характерных для многих восточных культур, обозначаемый словом *намыс*, которое в черкесской культуре в отношении к женщинам означает комплекс поведения, включающий целомудрие, скромность, заботу о репутации. *Намыс*, как и понятие, честь в архаических культурах, в том числе в европейском Средневековье, представляет собой временное явление. Честь может расти, но ее можно с легкостью и потерять [10, с. 25]. Единоразово утраченное, *намыс* восстановить в глазах общества было практически невозможно [16, с. 92].

Фольклор отражает внутренние или внешние конфликтные ситуации, связанные с честью,

представляющие собой вынужденные или добровольные отклонения от жестких, ригористических норм. Безрассудная любовь, коварство мужчины, случаи насилия становятся причиной утраты чести.

Осевым смыслом концепта «женская честь» было целомудрие, сохранение девственности до брака и супружеская верность после него. Лишение девственности до брака было главным фактором утраты чести. Нам доступны песни-причитания, описывающие горе женщины, коварно соблазненной или насильственно лишенной девственности. Единственным способом сохранить честь, было выйти замуж за виновного мужчину.

ХъщӀщым сыпшэ мыгъуэрэ сыбгъэ-унэхъуа мыгъуэщ (жи).

Сыпшэщэ мыгъуэти, Нану сефтыж! (кабардинский язык) [26, с. 14] – *‘В кунацкую [пустую] комнату для гостей ты заводил меня и сделал несчастной, [а ведь] я была девушкой, отдайте меня [замуж за] Нану!’* Согласно сопровождающему песню народному комментарию, Нану Деров соблазнил девушку и бросил ее, что послужило поводом для сочинения песни-причитания.

В «Песне о Мурате» девушка рассказывает, как ее возлюбленный, обижаясь на ее неуступчивость, склонил ее к близости, погубившей ее репутацию:

Уэ зыбгъэгусафӀурэ щхъэ сыдӀпхъэха, Мурат? – жызоӀэри.

(Мыр) ди псыхъэ лъагъуэри (уой жи, рэ уи) нӀшӀкъашӀмэ,

Уэ сыщумышӀнӀмэ щхъэ сыдӀпхъэха, – Мурат? – жызоӀэри (кабардинский язык.). [26, с. 84] – *‘Зачем же, Мурат, ты тайно встречался со мной, зачем влюбил в себя, если жениться не собирался?’* – спрашивает своего возлюбленного девушка.

В приведенных песнях девушки оплакивают утрату чести, которую мужчины отказываются восстановить женитьбой. Очистить опороченную репутацию можно было, совершив самоубийство – реальное или социальное (изгнание из рода и села). Другим способом смыть позор была месть, осуществить которую могли родственники, чаще всего братья.

Примечательно, что в фольклорных источниках переживания героинь не ограничиваются внешним аспектом чести. Помимо лежащего на поверхности смысла, здесь можно увидеть и мощный драматизм внутреннего переживания.

В понятиях «стыд» и «честь» сплавлены оба аспекта: внешний, означающий страх осуждения значимых других и внутренний, являющийся результатом сопоставления своего поведения или ситуации, в которой оказалась героиня, с имманентно присущими ее взгляду на мир образцами долженствования. Героиня не только боится осуждения окружающих, она испытывает муки совести. Это часто заставляет героинь фольклора идти на крайние меры. В ряде случаев только смерть может быть выходом из сложившихся обстоятельств. При этом сама девушка может не быть инициатором ситуации. Даже находясь в положении жертвы насилия, она оказывается перед выбором: умереть или продолжать жить, утратив честь и быть покрытой позором до конца дней.

Героиня одной из песен была изнасилована воспитанником своей семьи с подельниками:

ПшъэщӀгъошагъэджэ тыкӀакӀоэзэ (о) шыукупӀэр кӀакӀоуи тӀлӀэгъу.

ПырӀжыы хъамӀи сыхӀплӀэшыы шыукупӀэу кӀакӀорӀэ сӀдӀэгъу.

Ер алахъэри кысати нӀфынӀэр хӀт сӀуи сыгушӀуи.

ШыукупӀэу кӀакӀорӀэр кынӀэсы (о) шӀ нӀфынӀэр кӀэсышыы куэуцу.

ИкӀӀӀ(у) кӀуакӀӀӀхӀэр кӀеубгъу, ибгъутӀуи-цӀхӀэри кычӀесӀ.

«Мы кӀакӀом укӀо (о) цӀылынымӀрэ мы чатӀм зышӀоудзӀнымӀрэ ядӀ» – еӀошыы кысӀеӀо (кабардинский язык) [26, с. 89] – *‘Мы, девушки заблудившиеся, видим едущий к нам отряд всадников. Из терновника гляжу, отряд всадников, к нам направляющийся, вижу. Аллах не оставил меня: Нафин среди них, – обрадовалась я. Отряд всадников, приближается, Нафин подъезжает и останавливается. Свою бурку расстилает, свой обоюдоострый (меч/кинжал) в землю вонзает: На этой бурке лежат или на этот меч броситься – выбирай! – мне говорит’.*

Девушка осуществляет выбор: бросившись на меч, она предпочитает смерть позору. Помимо возможности предотвратить насилие, существенным мотивом ее поступка является нетерпимость и скорбь от предательства ее названного брата, что показывает наличие внутреннего аспекта ее переживаний по поводу понятий стыда и чести.

Оба аспекта понятий «стыд» и «честь» прослеживаются в народной песне, повествующей о том, как молодая черкешенка была предана своим двоюродным братом, который сам отдал ее насильникам:

(Уэ) сэ кыысшыщлар мыгыэмэ уэ
ушлэмыупшлэ мыгыэу псыншлэу плэ схуэшлэ
мыгыэу!

Хьэщлэщ сэреибжэм плэхэр нысхуэщлри
сынегэгьуэлэрэ.

Си хьыбар зыхэзыхмэ адэ кьуэшмэ и
кьуэ мыгыэм дзыхь хуремыщлыжи (кабар-
динский язык) [26, с. 107] – *'Ты не спрашивай
о случившемся, постели мне скорее постель, о
горе мне! В кунацкую [затащили меня] и в по-
стель уложили. Пусть услышавшие мой рассказ,
не доверяют нашему двоюродному брату'*.

Героиня не просто переживает утрату че-
сти. Она считает нужным предостеречь других
девушек от ситуации, в которой она оказалась.
Это свидетельствует о наличии в ее сознании
интроспекции, способности выйти за пределы
собственной субъективности и обратиться к над-
личностным моральным ценностям.

Важным источником для репрезентации
внутреннего мира черкешенки являются тексты
северокавказских просветителей. Они исполь-
зовали ныне утраченные свидетельства и при-
вносили в свои тексты мировоззрение человека
XIX в.

В романе Хан-Гирея «Черкесские преда-
ния» бжедугская княжна, по незнанию вышед-
шая замуж за убийцу своего первого мужа, выяс-
нив правду, убивает виновника своего вдовства
и в отчаянии собирается покончить с жизнью на
могиле первого супруга. Ее останавливает толь-
ко ответственность за ребенка, жизнь которого
оказывается в опасности [29]. Если ряд сюжетов
повествует о самоубийстве как единственном
способе очистить позор, то героиня данного тек-
ста предпочитает пожизненное внешнее осуж-
дение не из трусости, а руководствуясь более
глубокими основами собственной нравственно-
сти – заботой о ребенке.

Таким образом, анализ приведенных фоль-
клорных источников показал, что переживания
стыда и восприятие чести черкесской женщиной
традиционной эпохи несводимо только к внеш-
нему аспекту этих категорий. Несмотря на то,
что основным регулятором в жизни членов тра-
диционного черкесского социума являлось об-
щественное мнение, действующее через внуше-
ния чувства стыда, адыгская женщина руковод-
ствовалась более сложными чувствами вины или
чести. Принимая и разделяя в большинстве сво-
ем строго структурированную систему ценно-
стей, черкешенка в своем поведении следовала
имманентно присущем ее сознанию моральным
ограничителям и образцам должностования.

И в этом ракурсе она предстает как сознатель-
ный и свободный этический субъект.

Список источников

1. Прокофьев А.В. О моральном значении стыда // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 106–122.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры: 2-е изд. / Пер. с англ. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с. С. 158.
3. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общ. науч. ред. Толсто-
ва А.Б. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 2000. 309 с. С. 136.
4. Scheff T.J. Shame in Self and Society // Symbolic Interaction. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 239–262. <https://www.sci-hub.ru/10.1525/si.2003.26.2.239> (дата обращения: 28.07.2025).
5. Gilbert P. The relationship of shame, social anxiety and depression: The role of the evaluation of social rank // Clinical Psychology and Psychotherapy. 2000. Vol. 7, No. 3. P. 174–189. URL: http://cogsci.bme.hu/~ktkuser/KURZUSOK/BME-TE47MN05/2017_2018_2/Gilbert2000.pdf (дата обращения: 12.07.2025).
6. Williams B.A. Shame and necessity. Berkeley, University of California Press, 1993, XII, 254 p. P. 84. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft4t1nb2fb> (дата обращения: 23.07.2025).
7. Апресян Р.Г. Смысл морали // Morality: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов: к 75-летию академика А.А. Гусейнова / Российская акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. и сост. О.П. Зубец]. М.: Альфа-М, 2014. С. 35–63.
8. Calhoun C. An Apology for Moral Shame // Journal of Political Philosophy, 2004, vol. 12, no. 2, P. 127–146. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00194.x> (дата обращения: 24.07.2025).
9. Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2 т. Т. 2 Средневековый мир. М.: СПб.: Университетская книга, 1999. 560 с.
10. Морева А.В., Громова Е.А. О признаковой структуре концепта «честь» в средневековой картине мира // Язык и культура. 2008. № 2. С. 25–32.
11. Benecke G.F., Müller W., Zarncke F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke. Ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. 3 Bde. Leipzig: S. Hirzel, 1854–1866. Nachdruck. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1963. Т. III (T–Z): 976 S. URL: <https://archive.org/details/mittelhochdeuts03zarngoog/page/n8/mode/2up> (дата обращения: 23.07.2025).
12. Maurer F. Leid: Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte, besonders in den grossen Epen der staufischen Zeit. Bern: A. Francke; München: Leo Lehnen, 1951. 283 s. S. 245–246.

13. *Архангельский Л.М.* Социально-этические проблемы теории личности. М.: Мысль, 1974. 218 с.
14. *Сафаров А.К.* Исторические аспекты соотношения понятий «честь» и «достоинство» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 98–101.
15. *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2013. 406 с.
16. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 259 с.
17. *Нальчикова Е.А.* Культурное пространство смерти: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2013. № 11-1 (37). С. 128–130.
18. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 159 с.
19. *Мамхегова Р.А.* Очерки об адыгском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1993. 140 с.
20. *Мафедзев С.Х.* Статусы мальчиков и девочек, мужчин и женщин и их роль в нравственном воспитании // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии: [Сб. ст.]: Посвящается памяти В.К. Гарданова / Кабард.-Балкар. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР / Отв. ред. К.Ф. Дзамихов; предисл. Р.Х. Гугова и др. Нальчик: Б. и., 1992. С. 128–141.
21. *Меретуков М.А.* Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX в.) / Отв. ред. А.И. Першиц. Майкоп: Краснодарское книжн. изд-во, Адыгское отделение, 1987. 366 с.
22. *Гугова М.Х.* Женщина в семье и домашнем хозяйстве: соотношение традиционных установок и унификационных процессов (на примере Кабардино-Балкарии) // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур. Сб. материалов (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) / Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головнев. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН; ИИиА УрО РАН, 2015. 504 с. С. 472.
23. *Ахохова Е.А., Катанчиев З.М., Нагоева Л.А.* Социальная и магическая семиотика женских культов в абхазо-адыгской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53). С. 27–32.
24. *Бекулова К.Б.* Роль и место женских архетипов в героическом эпосе «Нарты» (на примере образа Сатаней) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 15. С. 1036–1040. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96123.htm>. (дата обращения: 23.07.2025).
25. *Бухуров М.Ф.* Образ женщины-богатырши в историко-героическом эпосе адыгов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87), Ч. 2. С. 233–236.
26. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: непер. лирика: в т. 4. Т. 4. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Гиппиус; [вступ. ст. З.М. Налоев; сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев, А.В. Гучева]. Нальчик: Издательский отдел Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2017. 300 с. (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов). Язык издания: русский (примеры текстов на кабардинском и черкесском языках).
27. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: для народного голоса, ансамбля, народных инструментов. адыгов / Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 1: Песни и наигрыши, приуроченные к определенным обстоятельствам / Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; нотации звукозаписей В.Х. Барагунова; сверка нотаций с звукозаписями и излож. напевов в графике А.С. Кабанова; записи текстов Н.Р. Иванокова, З.П. Кардангушева; подгот. к печати адыг. песен. текстов и коммент. З.П. Кардангушева; рус. пер. песен. текстов А.М. Гукемухи, Н.Р. Иванокова, З.М. Налоева (рук.); предисл. Х. Хутуева. М.: Советский композитор, 1980. 223 с. Язык издания: русский (примеры текстов на адыгейском языке с русскими переводами)
28. *Гутова Л.А.* Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антология адыгского фольклора. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с. (На каб.-черк. и рус. яз.)
29. *Хан-Гирей* Черкесские предания: Избранные произведения / Вступ. ст., сост. и общ. ред. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285 с. С. 171.
30. *Нарты.* Адыгский эпос / Сост., пер., комм. М.Ф. Бухурова, А.М. Гутова и др.: в 4 т. Т. 2. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с.
31. *Налоев З.М.* Песни величания девушки // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 119–132.
32. *Hoffmann W.* Worterklarungen // Weber G. Wolfram von Eschenbach. Parzival. Text. Nacherzahlung. Worterklarungen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. P. 947–1006.

References

1. Prokof'ev A.V. On the moral significance of shame. *Ethical Thought*, 2016. Vol. 16. No. 2. P. 106–122. (In Russ.).
2. Benedikt R. *The chrysanthemum and the sword: models of Japanese culture*. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013. 256 p. P. 158. (In Russ.).
3. Kuli Ch.Kh. *Human nature and the social order*. Moscow, Ideya-Press; Dom intellektual'noi knigi Publ., 2000. 309 p. P. 136. (In Russ.).

4. Scheff T. J. Shame in self and society. *Symbolic Interaction*. 2003. 71–79. Vol. 26. No. 2. P. 239–262. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1525/si.2003.26.2.239> (accessed July 28, 2025).
5. Gilbert P. The relationship of shame, social anxiety and depression: the role of the evaluation of social rank. *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2000. Vol. 7. No. 3. P. 174–189. Available at: http://cogsci.bme.hu/~ktkuser/KURZUSOK/BME-TE47MN05/2017_2018_2/Gilbert2000.pdf (accessed July 12, 2025).
6. Williams B.A. *Shame and necessity*. Berkeley, University of California Press, 1993, XII, 254 p. P. 84. Available at: <https://publishing.cdlib.org/ucpresse-books/view?docId=ft4t1nb2fb> (accessed July 23, 2025).
7. Apresyan R.G. The meaning of morality. In: *Morality: The Diversity of Concepts and Meanings: A Collection of Scholarly Works Dedicated to the 75th Anniversary of Academician A.A. Guseynov*. Ed. and comp. by O. P. Zubets. Moscow, Alfa-M, 2014. P. 35–63. (In Russ.).
8. Calhoun C. An apology for moral shame. In: *Journal of Political Philosophy*, 2004. Vol. 12. No. 2. P. 127–146. Available at: URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00194.x> (accessed July 24, 2025).
9. Gurevich A.Ya. *Selected works*. Vol. 2: The medieval world. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999. 560 p. (In Russ.).
10. Moreva A.V., Gromova E. A. On the feature structure of the concept “honour” in the medieval worldview. *Language and Culture*. 2008. No. 2. P. 25–32. (In Russ.).
11. Benecke G.F., Müller W., Zarncke F. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch: mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke; ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke*. Leipzig, S. Hirzel, 1854–1866, 3 Bde.; Nachdruck. Hildesheim, Georg Olms Verlag, 1963, Bd. III (T–Z), 976 S. Available at: URL: <https://archive.org/details/mittelhochdeuts03zarngoog/page/n8/mode/2up> (accessed July 23, 2025). (In Germ.).
12. Maurer F. *Leid: Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte, besonders in den großen Epen der staufischen Zeit*. Bern, A. Francke; München, Leo Lehnen, 1951. 283 s. S. 245–246. (In Germ.).
13. Arkhangel'skii L.M. *Socio-ethical problems of personality theory*. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 218 p. (In Russ.).
14. Safarov A.K. Historical aspects of the correlation between the concepts “honour” and “dignity”. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 4 (28). P. 98–101. (In Russ.).
15. Karpov Yu.Yu. *Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus*. Nalchik, Poligrafservis i T. Publ., 2013. 406 p. (In Russ.).
16. Tekueva M.A. *Man and woman in Adyg culture: traditions and modernity*. Nalchik, El'-Fa Publ., 2006. 259 p. (In Russ.).
17. Nal'chikova E.A. The cultural space of death: gender aspect. In: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, 2013. No. 11–1 (37). Part 1. P. 128–130. (In Russ.).
18. Bgazhnokov B.Kh. *Adyg etiquette*. Nalchik, El'brus Publ., 1978. 159 p. (In Russ.).
19. Mamkhegova R.A. *Essays on Adyg etiquette*. Nalchik, El'brus Publ., 1993. 140 p. (In Russ.).
20. Mafedzev S.Kh. Statuses of boys and girls, men and women and their role in moral education. In: *Current Problems of Feudal Kabarda and Balkaria: [Collection of Articles]: Dedicated to the Memory of V.K. Gardanov*. Ed. by K.F. Dzamikhov; foreword by R.Kh. Gugov et al.]. Nalchik: [s.n.], 1992. 182 p. (In Russ.).
21. Meretukov M.A. *Family and marriage among the Adyg peoples (19th – 1970s)*. Ed. by A.I. Pershits. Maikop, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Adygskoe otdelenie Publ., 1987. 366 p. (In Russ.).
22. Gugova M.Kh. Woman in the family and household: correlation of traditional attitudes and unification processes (the case of Kabardino-Balkaria). In: *11th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Contacts and Interaction of Cultures: collection of materials* (Ekaterinburg, 2–5 July 2015)]. Moscow, Ekaterinburg, IEA RAN; IIIa UrO RAN Publ., 2015. 504 p. P. 472. (In Russ.).
23. Akhokhova E.A., Katanchiev Z.M., Nagoeva L.A. Social and magical semiotics of women's cults in Abkhaz-Adyg culture. In: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, 2015. No. 3 (53). Part 2. P. 27–32. (In Russ.).
24. Bekulova K.B. Role and place of female archetypes in the heroic epic “Narty” (on the example of the image of Sataney). In: *Koncept: Scientific and Methodological E-journal*, 2016. Vol. 15. P. 1036–1040. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/96123.htm> (accessed July 23, 2025) (In Russ.).
25. Bukhurov M.F. The image of the woman-warrior in the historical-heroic epic of the Adygs. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2018. No. 9 (87). Part 2. P. 233–236. (In Russ.).
26. *Folk songs and instrumental tunes of the Adygs: non-object lyric*. Vol. 4. Part 1. Ed. by E.V. Gippius. Nalchik, Izdatel'skii otdel Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNTS RAN Publ., 2017. 300 p. (In Russ. with texts in Kabardian and Circassian).
27. *Folk songs and instrumental tunes of the Adygs: for folk voice, ensemble, folk instruments*. Vol. 1: Songs and tunes associated with specific occasions. Ed. by E.V. Gippius. Comp. by V.Kh. Baragunov, Z.P. Kardangushev. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1980. 223 p. (In Russ. with texts in Adyghe and Russian translations).

28. Gutova L.A. *Adyg proverbs and sayings (with explanations): anthology of Adyg folklore*. Nalchik, Izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN Publ., 2016. 364 p. (In Kabardino-Circassian and Russ.).
29. *Circassian legends: selected works*. Khan-Girei. Introductory article, comp. and general ed. by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik, El'brus Publ., 1989. 285 p. (In Russ. with Circassian texts).
30. *Narty: Adyg epic*. Comp., transl. and comm. of the volume by M. F. Bukhurov, A. M. Gutov et al. Nalchik, Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN Publ., 2017. Vol. 2. 468 p. (In Russ. with texts in Adyg).
31. Naloev Z.M. Songs of praise to the girl]. In: *Studies on the history of Adyg culture*. Nalchik, El'brus Publ., 1985. 269 p. P. 119–132. (In Russ.).
32. Hoffmann W. Wörterklärungen. In: Weber G. Wolfram von Eschenbach. Parzival: Text, Nacherzählung, Wörterklärungen. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. S. 947–1006. (In Germ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторах

З.Х. Кумахова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и кавказоведения¹, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

А.А. Коновалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и кавказоведения², 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

А.А. Журтова – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов Кабардино-Балкарской республики и журналистики³, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173; старший научный сотрудник⁴, 360051, г. Нальчик, ул. И. Арманд, д. 37а.

Information about the authors

Z.Kh. Kumakhova – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies¹. 173, Chernyshevsky st., Nalchik, 360004;

A.A. Kononov – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies². 173, Chernyshevsky st., Nalchik, 360004;

A.A. Zhurtova – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies³. 173, Chernyshevsky st., Nalchik, 360004; Senior Researcher⁴. 37a, I. Armand st., Nalchik, 360051.

Вклад авторов:

Кумахова З.Х. – научное руководство; концепция исследования; написание исходного текста;

Коновалов А.А. – развитие методологии; итоговые выводы;

Журтова А.А. – участие в доработке текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kumakhova Z.Kh. – scientific management; research concept; writing of the source text;

Kononov A.A. – development of methodology; final conclusions;

Zhurtova A.A. – participation in the finalization of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.